

Указательный палец озорно и легко погладил гладкий подбородок. Ммм, на ощупь просто прекрасно, и совсем не холодно. Чжоу Цин чувствовала, что этот мир перевернул все ее представления: оказывается, можно потрогать призрака! Оказывается, призраки такие милые, с такой хорошей кожей, таким мягким характером и так легко краснеют!

А-Янь посмотрела на эту ослепительную улыбку и растерянno кивнула:

— Нравится.

Сказав, что ей нравится, она тут же смущенно опустила голову, но уже через мгновение снова подняла ее и глуповато хихикнула:

— Нравится. Барышня Чжоу, вы такая красивая, вы бы понравились абсолютно любому.

Как может на свете существовать такая прелестная девушка?

Такая мягкая, такая милая, такая послушная, да еще и с таким сладким язычком — неужто меду наелась?

В этот момент Чжоу Цин уже напрочь забыла, что А-Янь собиралась ее напугать. Ее лицо сияло самодовольством, она просто лучилась гордостью: такая высокая, такая стройная, такая симпатичная, да к тому же еще и ученая — конечно же, маленькой девушке-призраку она понравится!

Но все же дразнить несовершеннолетнюю вроде бы нехорошо. С сожалением прекратив, Чжоу Цин ущипнула А-Янь за правую щеку и спросила:

— Сколько тебе лет?

А-Янь ответила:

— Восемнадцать.

Ого, да ей уже столько! Совсем взрослый человек!

Чжоу Цин обрадовалась, и у нее пропали все муки совести.— И я тебя люблю.

Сказав это тихо, Чжоу Цин словно поддавалась наваждению: она обхватила лицо А-Янь ладонями, подалась ближе, ещё ближе и прямо прижалась своими губами к её губам.

Они были прохладными, но очень мягкими, и, казалось, даже хранили едва уловимую сладость.

Чжоу Цин уже собиралась распробовать это чувство получше, как её вдруг с силой оттолкнули. А-Янь с лицом, полным ужаса, тыкала в Чжоу Цин пальцем, при этом беспорядочно подпрыгивая на месте, и растерянno кричала:

— О-о-о боже мой, м-м-меня домогаются!

Д-д-домогаются?

Чжоу Цин тоже окаменела.

Правда, не успела она опомниться, как А-Янь прекратила свои неистовые метания, испепелила её яростным взглядом, а в следующий миг сама густо покраснела. Не говоря ни слова, она подняла вокруг себя целый вихрь, и пока Чжоу Цин приходила в себя, А-Янь уже испарилась в неизвестном направлении.

Прижав руку к губам, Чжоу Цин ошеломленно присела на краешек кровати и невольно подумала: о боже, если она как можно скорее не вернется в современный мир, то точно сойдет с ума.

Она и представить не могла, что окажется до такой степени беспринципной, что посмеет посягнуть даже на призрака-девушку.

Вот уж поистине сама лезет на рожон!

Тем временем А-Янь на всех парах домчалась до Ичуньюаня и, горько рыдая всю дорогу, ворвалась во внутренний двор. Впервые в жизни она завосила перед певшими и плясавшими кругом призраками:

— М-м-меня домогались!

На площадке воцарилась мертвая тишина. А-Янь снова заплакала:

— Я говорю, меня, меня изнасиловали! — её голос стал ещё громче.

Последовала ещё одна пауза, и вдруг раздался радостный возглас:

— Кто, кто тебя изнасиловал?

Сяо Юй внезапно выпрыгнула из объятий Цинь Сюаня, схватила А-Янь за запястье и затараторила:

— Быстро, быстро отведи меня взглянуть, я посмотрю, стоит ли за него замуж!

А-Янь едва не задохнулась от напряжения, прежде чем выдавить из себя четыре слова:

— ...Барышня из семьи Чжоу.

— Барышня из семьи Чжоу?

Сяо Юй вытаращила глаза и недоверчиво воскликнула:

— Ты про кого?!

А-Янь чуть отступила назад и заикающимся голосом произнесла:

— Се-се-семья Чжоу...

— Пф... — Ха-ха... — Ха-ха-ха... — Уморишь меня...

Не дожидаясь, пока А-Янь договорит, замершие во дворе духи пришли в себя и принялись хохотать, сгибаясь пополам так, что невозможно было остановить. Даже Сяо Юй, оправившись от первоначального шока, затряслась в смехе, задорно покачиваясь всем телом.

— Ах ты, ну и ну... — она зажала живот рукой, продолжая смеяться. — Ох, не могу, не могу, А-Янь, ты хочешь довести меня до смерти...

Десять лет пробыв духом, А-Янь славилась лишь тем, что сама норовила кого-нибудь облапать, а уж её-то точно никто и никогда не домогался. Но теперь её не просто домогались — её домогалась женщина! Разве это не умора? И к тому же эта женщина — барышня из семьи Чжоу в селении Циншань. Даже если поверить тому, что та барышня в прошлый раз говорила о своей способности прикасаться к призракам... пусть она даже питает страсть к представительницам слабого пола — в семье Чжоу полным-полно служанок, а в веселых домах селении Циншань столько красавиц, с чего бы ей домогаться именно маленькой толстушки-призрака?

К тому же — пухленькой и далеко не писаной красавицы А-Янь.

Даже при том, что Сяо Юй относилась к А-Янь как к родной младшей сестре, у неё сейчас не хватило бы бесстыдства защищать её.

— Сестрица А-Янь, тебе не стыдно! — Сяо Бао заложил руки за спину и принял покровительственный вид. — Опять врешь!

А-Янь:

— ... — не оставляя надежды оправдаться, она возразила: — Нет, я не...

— А-Янь, не переживай, я уже обо всем договорился с братом Му. Со дня на день он придет сюда, — Цинь Сюань привлек к себе Сяо Юй и, улыбаясь, стал утешать А-Янь. — Не бойся, раз мы с твоей сестрицей Сяо Юй за это взялись, то на этот раз выдадим тебя замуж так, чтобы все обзавидовались.

Что ж, ей никто не верил. Оправдываться было бесполезно, и А-Янь разочарованно опустила голову. Все призраки были добрыми, ведь они уже несколько десятков лет вместе жили в этом Ичуньюане. Увидев лицо А-Янь, все слегка умилились веселье. А-Янь была несчастной: при жизни у неё не было возлюбленного, а после смерти она никак не могла выйти замуж. Её одержимость найти призрака-мужчину и закрутить с ним романтическую историю была прекрасно известна всем обитателям Ичуньюаня.

Ладно-ладно, пожалуй, не стоит подливать масла в огонь.

— А-Янь, — произнес Сяо Юй, — твой зять говорит, что книжник Му освободится послезавтра. Почему бы тебе не встретиться с ним тогда?

Цинь Сюань кивнул:

— Не переживай, А-Янь, я уже рассказал брату Му о твоей ситуации. Ты ему очень нравишься, на этот раз вы обязательно заключите счастливый союз.

Сяо Бао бросил на А-Янь взгляд и тоже подошел ближе с сочувственным выражением лица:

— Сестрица А-Янь, если этот книжник Му тебе не по душе — ничего страшного. Когда я немного подрасту, стань моей женой, уж я-то точно не буду считать тебя глупой.

— Подумаешь! Да тебе сколько лет! — А-Янь отвернулась, выглядя крайне пренебрежительно.

Призраки не растут. При отсутствии особых обстоятельств, какими они были в момент смерти, такими они оставались и в посмертном бытии. Сяо Бао умер уже больше двадцати лет назад, но до сих пор выглядел ребенком младше десяти лет, и умственное развитие его тоже не менялось.

Сяо Бао слегка покраснел, фыркнул и рассерженно убежал прочь.

Остальные призраки подняли шум: кто-то смеялся над Сяо Бао, а кто-то подшучивал над А-Янь.

— А-Янь, А-Янь, лучше выходи за меня вторые руки! Не бойся, сестрица Чунь Хун не станет ревновать, — толстый призрак, похожий на богатого купца, одной рукой обнимал какую-то женщину, а другой махал А-Янь.

— Именно так, А-Янь, посмотри на меня! Хотя я и староват, зато у меня нет семьи, — искренне предложил старый книжник, поглаживая безбородый подбородок.

— Сестрица А-Янь, а тебе часом не нравятся женщины? Если так, раз они тебе не по вкусу, можешь быть со мной, — застенчиво заявила новенькая призрачная девушка миловидной внешности, которая умерла в Ичуньюане в прошлом году.

А-Янь досапела до покрасневшего лица и, надув щеки, выругалась:

— Тьфу-тьфу-тьфу! Бесстыдники, старые и малолетние!

Выругавшись, она резко развернулась и направилась вглубь двора к большому дереву. Вскоре она спряталась в огромном глиняном кувшине под ним и просидела там всю ночь, наотрез отказываясь показывать нос.

Призраки снова дружно рассмеялись.

Цинь Сюань пообещал:

— Не беспокойтесь, послезавтра я непременно приведу брата Му обратно.

Дом семьи Чжоу, спальня Чжоу Цин.

Она уже часа три ворочалась на кровати. Стоило ей закрыть глаза, как перед ней возникал образ А-Янь, которая голосила и причитала, что её оскорбляют; до того милая, что сердце таяло. Из-за этого Чжоу Цин пребывала в диком возбуждении и спать совершенно не хотела.

В этот момент она вытянула руку и коснулась губ, внезапно снова вспомнив то, что произошло недавно.

Прошло уже столько времени, и первоначальный страх от собственных безрассудных выходок испарился — осталось лишь самое сладкое послевкусие от прикосновения к губам А-Янь.

Кто на свете круче неё? Она же целовалась с настоящим женским призраком!

Ох ты ж чёрт, чёрт, чёрт, чёрт, чёрт! Чувствует себя невероятно крутой!

В итоге Чжоу Цин так и не сомкнула глаз до самого рассвета, пока солнце уже вовсю не припекало, и открыла глаза лишь услышав робкий голос Сяо Люй.

— Госпожа, скоро время обеда, — произнесла Сяо Люй, опуская голову и бросая свирепый косой взгляд на Сяо Хун за своей спиной.

Сяо Хун потупила взор, глядя на собственный нос. Кто просил Сяо Люй быть такой бестолковой? Бестолковым людям и положено идти в авангарде.

Чжоу Цин шустро выпрыгнула из постели, умылась, сменила одежду и со своими двумя служанками направилась в основные покои. По правде говоря, она была просто безумно счастлива. Она попаданка в тело купеческой дочери — никакой тяжелой работы, не нужно даже ежедневно являться с утренними и вечерними приветствиями, просто благодать, аж взлететь хочется!

Осталось лишь одно маленькое препятствие — сокрушить белую лотосницу и трёх дурачков. Чжоу Цин совершенно этого не боялась.

Когда она добралась до жилых комнат, семья действительно уже ждала её к обеду. Чжоу Хун и наложница Фэн не смели и пикнуть из-за вчерашнего происшествия, а Бай Юйвэй и вовсе помалкивала. Старшие члены семьи Чжоу всегда баловали Чжоу Цин, так что трапеза прошла очень приятно.

Бросив палочки и приняв из рук служанки чашу с водой для полоскания рта, Чжоу Цин перевела взгляд на сидевшую внизу робкую и трясущуюся наложницу Фэн.

Если бы старый господин Чжоу не скончался так рано, если бы Чжоу Чжэнци не был ослеплен любовью, то притворные обиды наложницы Фэн и притворявшийся дурачком Чжоу Хун не представляли бы ни малейшей угрозы ни для неё, ни для матушки Чжоу, ни для её двух старших братьев. Понять не может: зачем этой парочке матери и сына понадобилось вести себя подобным образом?

Сначала нужно разобраться с внешними угрозами, а внутренние неурядицы можно запереть на замок и побить собак.

Поэтому, позволив наложнице Фэн с сыном удалиться, Чжоу Цин вместе с Бай Юйвэй помогла матушке Чжоу вернуться в её комнату.

— Кузина, ты гостишь здесь уже два дня, не пора ли тебе собираться домой? — сходу выставила её за дверь Чжоу Цин. Столь прямолинейный ответ ошеломил даже обладательницу Сердца из семи полостей и изящных узелков — Бай Юйвэй. Впрочем, замешательство длилось даже меньше секунды, потому что она тут же повернула голову и с обиженным видом посмотрела на госпожу Чжоу:

— Тетушка, Юйвэй... Разве Юйвэй в чем-то поступила неправильно и провинилась перед старшей кузиной? Кузина, ты... почему ты выгоняешь меня? Если Юйвэй в чем-то ошибалась, прошу, укажи мне на это и дай шанс исправить ошибку, хорошо?

Юйвэй то, Юйвэй сё, неужто меня смерть приберет, пока я это слушаю?!

Чжоу Цин нахмурилась, выражая крайнее раздражение.

Госпожа Чжоу души не чаяла в родной дочери, но Бай Юйвэй приходилась ей кровной племянницей по линии брата, поэтому она торопливо взяла Чжоу Цин за руку, утешающе похлопала её и успокоила Бай Юйвэй:

— Вэй-вэй, не надумывай лишнего, твоя кузина вовсе не это имела в виду, ты просто...

— Мама, я именно это и имела в виду, — перебила госпожу Чжоу Чжоу Цин. — Я знаю, что мама любит младшую кузину, и сама к ней очень хорошо отношусь, но я слышала, что у тетушки последние два дня здоровье ни к черту. Как бы сильно мы ни любили кузину, мы не можем удерживать её здесь и не пускать к матери, чтобы она та за ней ухаживала. Иначе, если слухи разойдутся, все станут говорить, что кузина — неблагодарная и нефильская дочь. Даже если мы желаем ей добра, так поступать нельзя.

— Ох, неужто такое было... — госпожа Чжоу тут же заколебалась.

Как такое возможно? Когда она сюда шла, её матушка была абсолютно здорова!

Бай Юйвэй сжала зубы и произнесла:

— Кузина, должно быть, получила неверные вести. Когда я уходила из дома, моя мама...

— Тетушка просто не хотела заставлять тебя волноваться, она действительно больна. Будучи

детьми, оставлять родную мать без ухода во время болезни... Кузина, у тебя часом нет каких-то иных замыслов нахождения в моем доме? — Чжоу Цин озадаченно посмотрела на госпожу Чжоу, словно переспрашивая её или рассуждая сама с собой: — Неужто эти замыслы важнее здоровья тетушки?

Разумеется, она понятия не имела, больна ли мать Бай Юйвэй, ведь она даже не успела этого выяснить. Более того, сюжет развивался настолько стремительно, что она до сих пор даже не знала, жив ли тайный возлюбленный Бай Юйвэй. Все эти подробности можно было узнать позже, а пока её просто воротило при одном виде Бай Юйвэй. В прошлой жизни та довела семью Чжоу до столь плачевного конца, а в этой снова явилась сюда нахлебничать и сидеть на шее — откуда у неё такая наглость?!

Приглашая Бай Юйвэй к себе на этот раз, госпожа Чжоу действительно преследовала иные цели, и младший брат с невесткой о них знали, да и сама девчонка Вэй-вэй, пожалуй, прекрасно всё понимала. Но раз уж невестка заболела, а та всё равно приехала — это уже куда ни шло. Свадьба никуда не убежит, к чему же так спешить?

Если она способна так относиться к собственной матери, то чего ждать ей самой — тетушке и будущей свекрови?

Подумав об этом, госпожа Чжоу помрачнела, а взгляд её стал холоднее:

— Вэй-вэй, ступай собери вещи, скоро я велю кому-нибудь отправить тебя домой. Сначала позаботься о матушке, а как она поправится, тетушка снова пришлет за тобой людей.

— Тетушка, я... — Бай Юйвэй не находила слов. Её матушка пылала здоровьем, ни о какой болезни не могло быть и речи. Но теперь... Подняв голову, она посмотрела на Чжоу Цин, а та расплылась в широкой ухмылке, излучая неприкрытое торжество. Это проявление мелочной злобы в духе: «Я сказала, что твоя мама больна, значит, она больна, а если не больна, то всё равно больна» — заставило Бай Юйвэй впервые в жизни испытать жгучую ненависть.

Эта кузина и раньше отличалась баловством и капризами, а теперь вдобавок и душой совсем сгнила!

Ничего, погоди, вот выйдет она замуж в семью Чжоу — уж она-то заставит их искоренить эти скверные порядки!

Во второй половине дня из ворот поместья Чжоу неспешно выехала карета.

Чжоу Цин вместе со Сяо Хун вышла к выходу и распорядилась:

— Сопроводишь её до дома семьи Бай, а заодно приведешь оттуда вторую младшую кузину — скажи, что я по ней соскучилась. — Она немного помолчала и добавила: — Время уже позднее, я переживаю, что второй кузине будет небезопасно в дороге, так что переночуешь у Баев, а завтра до полудня приведешь её сюда.

У Бай Юйвэй была родная сестра — Бай Юйжун, младше её на два года. Характер у той был скверный и задиристый, а главное — они с Бай Юйвэй терпеть друг друга не могли. В прошлой жизни, завладев домом Чжоу, Бай Юйвэй частенько задирала нос перед родней, а её младшая

сестра Бай Юйжун в конце концов кончила не лучше прежней хозяйки этого тела, Чжоу Цин.

Сяо Хун была девушкой смысленной, и Чжоу Цин ничуть не сомневалась, что та справится с поручением.

У семьи Чжоу водились деньги, и их карета была просторнее и комфортнее, чем у обычных людей, однако для Бай Юйвэй этот плюс обернулся явным неудобством. Не успели они доехать до переулка, где находился дом семьи Бай, как из-за узости въезда карета дальше пройти не смогла.

Всей процессии пришлось выходить и идти пешком.

Сяо Хун первой выпрыгнула из кареты и протянула руку, чтобы поддержать Бай Юйвэй:

— Барышня, берегите ноги.

Она улыбалась искренне и приветливо, но лицо Бай Юйвэй оставалось мрачным — ей казалось, что эта улыбка ничем не отличается от улыбки Чжоу Цин и скрывает невыразимую насмешку с издевкой. Отдернув руку от поручня кареты, она выпрямила спину и холодно скомандовала своей служанке:

— Вылезай первая.

Младшая служанка выпрыгнула на дорогу, бросила быстрый взгляд на Сяо Хун и тоже протянула руку.

Оперевшись на её руку, Бай Юйвэй сошла на землю, слегка кивнула Сяо Хун и широким шагом направилась вперед.

— Тьфу! — тихо выругался кучер. — Подумаешь, цаца какая! Всего лишь нищенка из разорившегося рода, а такая переборчивая! — С этими словами он подбежал к Сяо Хун и с заискивающей улыбкой заговорил: — Девушка Сяо Хун, вы же правая рука барышни, зачем вы перед ней распинаетесь? На мой взгляд, она и вашей обуви не достойна чистить!

Сяо Хун была старшей служанкой при Чжоу Цин, и хотя прислуживала недавно, это ничуть не умаляло её высокого положения среди слуг дома Чжоу. Она пользовалась большим доверием, чем даже приставленные к госпоже матушкины кухарки-помощницы, и кто бы упустил шанс лишний раз ей угодить?

— Дядя Цзюнь, следите за языком. — На лице Сяо Хун мелькнуло выражение недовольства, она бросила короткую фразу и быстро зашагала следом.

Хотя кучер понизил голос, Бай Юйвэй еще не успела отойти далеко, поэтому, хоть слов толком и не разобрала, суть поняла: ничего хорошего тот не говорил. Лицо её побелело от злобы, шаг ускорился настолько, что она даже не стала дожидаться Сяо Хун и, опустив голову, вихрем влетела в комнату госпожи Бай.

Госпожа Бай сидела у окна и вместе с младшей дочерью лакомилась виноградом, мать и дочь о чем-то весело перешептывались, наслаждаясь моментом.

Гулкие шаги зазвучали под самым окном, и она с неудовольствием подняла голову.

— Мама, — Бай Юйвэй ввалилась в комнату.

— Чего это ты вернулась? — Увидев старшую дочь, госпожа Бай сразу стерла с лица улыбку, сменив её на выражение крайнего недовольства. — Только вчера уехала, а сегодня уже назад! Это ты опять за свое, капризничаешь, или натворила что-то и разозлила тетюшку?

— Как бы то ни было, а сестрица у нас мастерица на все руки, — сидевшая у окна младшая девушка захихикала, не скрывая насмешки в голосе.

— Бай Юйжун! — раздраженно зыркнула на неё Бай Юйвэй.

На лице девушки проступило еще больше издевки; хихикая, она обняла госпожу Бай за руку:

— Мама, посмотри, как сестрица на меня злится! Наверняка она и в доме тетюшки вела себя так же капризно, вот её оттуда и выставили!

Бай Юйвэй и так кипела от обиды и негодования, а тут, не успев даже слова вымолвить, снова нарвалась на насмешки. Не в силах больше терпеть, она ткнула пальцем в сторону Бай Юйжуна и сорвалась на крик:

— Бай Юйжун, если ты еще хоть слово скажешь, я...

— И что же ты сделаешь? — поднявшись с места, холодно спросила госпожа Бай. — Рун-рунка — твоя родная сестра, что ты ей сделаешь?

Всегда так, вечно всё обстоит именно так! Виновата младшая сестра, но стоит матушке открыть рот, как она всегда обвиняет во всем её одну!

Глаза Бай Юйвэй мгновенно покраснели. Сдерживая слезы, она сдавленно выдавила:

— Мама, доченька...

— Моё почтение матушке-невестке, — запыхавшаяся Сяо Хун вбежала в комнату и бесцеремонно снова прервала Бай Юйвэй. — Моё почтение и второй младшей барышне. Как поживаете в последнее время, вторая барышня?

— Хм, хорошо я поживаю или нет — не твоего ума дело, — холодно и раздраженно бросила Бай Юйжун.

— Рун-рунка... — Госпожа Бай отвела младшую дочь за спину и с улыбкой принялась извиняться перед Сяо Хун: — Девушка Сяо Хун, девчонка еще глупая, не берите в голову. Не подскажите, по какому делу вы пожаловали сегодня?

Две барышни из дома тетюшки одна другой краше — обе до тошноты противные.

Отводя взгляд, Сяо Хун с улыбкой обратилась к госпоже Бай:

— Отвечаю матушке-невестке: наша барышня услышала, что у вас хворает здоровье, и испугалась, что в недуге вы сильно затоскуете по старшей барышне, поэтому специально велела мне проводить её обратно, чтобы она прислуживала вам.

Никому не доставляет удовольствия слышать, что он болен, тем более когда из-за этого домой ссылают старшую дочь.

Госпожа Бай неестественно скривила губы и уже собиралась возразить, как Сяо Хун снова заговорила:

— Уходя из дома, наша барышня специально отправила людей в аптеку, чтобы купить для вас лучший корень женьшеня. Думаю, его доставят с минуты на минуту, только вот мы толком не знаем, как именно вы себя чувствуете? — Она лучезарно улыбнулась и даже бросила взгляд во двор, словно ожидая лавочника с лекарством.

Женьшень — вещь дорогая и ценная, даже если не принимать его самой, продажа принесет немалую копеечку.

Госпожа Бай тут же прикрыла рот рукой, закашлялась и изобразила нездоровый вид:

— Ах, надо же, Цин-цин снова о мне беспокоит! Мое здоровье с годами всё хуже, но это лишь пустяковые хвори, к чему тратить на столь драгоценные вещи.

В душе Сяо Хун усмехнулась, но внешне сделалась еще искреннее:

— Что вы говорите, матушка-невестка! Вы же для нашей барышни — самая уважаемая старшая родственница. Стоит вам почувствовать себя плохо, как наша барышня ночами не спит от переживаний. О женьшене и говорить нечего — если вам понадобятся даже морские ушки да птичьи гнезда, наша барышня тут же принесет всё и преподнесет вам лично.

<http://bllate.org/book/20984/2130477>